

Ефим КУРГАНОВ

ЗАБЫТЫЕ ГЕНЕРАЛЫ 1812 ГОДА:
ЗАВОЕВАТЕЛЬ ПАРИЖА

@ЭЛИТА

16+

Ефим Курганов

**Забывтые генералы 1812
года. Книга первая.
Завоеватель Парижа**

Электронное издательство "Аэлита"

2013

Курганов Е. Я.

Забывшие генералы 1812 года. Книга первая. Завоеватель Парижа /
Е. Я. Курганов — Электронное издательство "Аэлита", 2013

В Одессе есть знаменитый пляж Ланжерон. Назван он так в честь Херсонского военного губернатора и Одесского градоначальника графа Александра Ланжерона, принявшего бразды правления после отъезда во Францию герцога Ришелье. Именно при Ланжероне Одесский край стал свободной экономической зоной, именно при нем был открыт Ришельевский лицей. Но на самом деле Ланжерон вошел в историю не только благодаря всему этому. Ланжерон был знаменит в высшем обществе Российской империи, как неподражаемый рассказчик и остроумец. Его удачные выражения передавались из уст в уста. И, наконец, он был выдающийся военный деятель. Отличился при взятии Измаила. И именно граф Ланжерон во главе своего корпуса в 1814 году взял высоты Монмартра, что, собственно, и решило судьбу Парижа и судьбу Наполеона – тот вынужден был в итоге отречься от престола. За взятие высот Монмартра император Александр I лично наградил Ланжерона орденом Андрея Первозванного. До сих пор биографии А.Ф.Ланжерона не существовало. И вот это досадное и несправедливое упущение восполнено этой книгой.

© Курганов Е. Я., 2013

© Электронное издательство
"Аэлита", 2013

Содержание

Введение	6
Глава первая	7
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Ефим Курганов
Забытые генералы 1812 года.
Книга первая. Завоеватель Парижа

© ЭИ «@элита» 2013

Все права защищены. Никакая часть электронной версии этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

Посвящается Михаилу Курганову

Введение

Графу Ланжерону де Сэсси было всего 15 лет от роду, когда он вступил во французскую гвардию.

Уже через четыре года после того, как шевалье Ланжерон де Сэсси стал французским гвардейцем, он поехал сражаться за независимость американских колоний. Воевал, насколько можно судить по сохранившимся свидетельствам, смело и самоотверженно, даже лихо.

Ланжерон вернулся из Америки на родину с орденом Цинцината, который потом запрещала носить русская императрица Екатерина II, ко всем революциям относившаяся с опаской.

События 1789 года во Франции вынудили полковника Ланжерона эмигрировать, хотя поначалу он встретил французскую революцию восторженно, ибо шевалье всегда был на стороне тех, кто за свободу.

Ланжерон поступил на русскую службу, и сразу же принял участие в шведской кампании. Командуя частью русского гребного флота, Ланжерон отличился в сражении при Выборге 22 июня 1790 года, и получил орден Георгия 4-й степени. Награду вручила ему лично императрица Екатерина II. Потом он перешёл в Дунайскую армию Г. А. Потёмкина, и в русско-турецкую войну превосходно проявил себя при взятии крепости Измаил, считавшейся неприступной.

Вообще штурм этой крепости и даже самая подготовка к нему – это событие в военной истории.

С июля 1791 года по 1794 год включительно, шевалье Ланжерон де Сэсси участвовал в антифранцузских войнах первой коалиции, состоя вначале волонтёром при войсках французских эмигрантов. Кампанию 1793–1794 гг. он провёл в Нидерландах в рядах австрийской армии при принце Саксен-Кобургском, доставляя, по поручению Екатерины II, сведения о действиях армии в Санкт-Петербург. Воевал он вместе со своим другом, герцогом Ришелье, будущим губернатором Новороссийского края.

В 1805 году именно гибель колонны генерала Ланжерона в сражении при Аустерлице, как во всяком случае считал российский император Александр I, предопределила во многом сокрушительную победу Наполеона над войсками союзников, хотя Ланжерон в этой трагической для России битве вёл себя умно и достойно.

В Отечественную войну 1812 года Ланжерон командовал отдельным корпусом, затем участвовал в заграничных походах 1813–1814 годов. Особенно Ланжерон отличился при захвате Парижа, взяв штурмом высоты Монмартра, за что ему был пожалована высшая российская награда – орден Андрея Первозванного.

По заключении мира, Ланжерон был назначен сначала Херсонским военным губернатором, градоначальником Одессы, а затем, когда его друг герцог Ришелье вернулся во Францию, Ланжерон стал генерал-губернатором всего Новороссийского края, и состоял во всех этих должностях с ноября 1815 по май 1823 года.

Последние годы жизни граф Ланжерон провёл частью в Париже, частью в Одессе, частью в Петербурге, находясь в отставке и занимаясь работой над обширными своими мемуарами. Умер он 4 июля 1831 года от холеры, которая свирепствовала тогда в Санкт-Петербурге. Погребён Ланжерон в католической церкви города Одессы.

Глава первая

Граф Людовик Александр Андро Ланжерон де Сэсси, маркиз де ля Косс, барон Куиньи, родился в Париже 13 января 1763 года. Первые годы своей пёстрой, калейдоскопической жизни он тихо и спокойно провёл в фамильном замке Ланжерон, расположенном в Бургундии, в краю вина и горчицы.

В 1779 году Ланжерон поступил подпоручиком в гвардейский пехотный полк, которым командовал брат его матери граф Роже де Дам, кутила, весельчак, но вместе с тем человек поистине бесстрашной храбрости.

Другой его дядюшка (впоследствии герцог де Дам) также был отчаянный храбрец, но в нём начисто отсутствовали легкомыслие и авантюризм, столь преобладавшие в единоутробном его брате.

Но совершенно общей у графов де Дам была страстная любовь к бургундской горчице, да ещё к своей ласковой сестрице, гостеприимной хозяйке миниатюрного Ланжерона. И абсолютно в равной мере они обожали своего племянника, ласково называя его «бесёнок».

КАРТИНКА ПЕРВЫЙ ШТУРМ

Граф Роже де Дам был лихой вояка (шпага слушалась его просто магически) и не менее лихой повеса. О его весьма бурных похождениях долгие годы с большим энтузиазмом судачили в Ланжероне – и не только в замке, но и в прилегавшей к нему деревеньке. В ней было не менее двадцати домишек, таких же полуразваленных и, кажется, готовых рассыпаться от сильного дуновения ветра, как и сам, с позволения сказать, замок.

В деревне знали полковника де Дам более чем хорошо: кажется, не было ни одной ланжероновской девицы, которой удалось увернуться от его бешеных ласк. Не раз по вечерам он подмигивал своему юному племяннику, всегда смотревшему ему в рот, и весело кричал: «Шевалье, вперёд, на штурм Ланжерона!».

Он хватал Александра за руку, и они мчались через лужайку и лесок, улюлюкая и гогоча, подпрыгивая и ещё успевая что-то напевать.

В деревне при этом раздавался сплошной металлический лязг: испуганные мамыши двери своих домишек спешно закрывали на щеколды. Они понимали, что толку от этого почти никакого, но щеколды всегда хлопали громко и весьма исправно. Видимо, это был своего рода ритуал, отступить от исполнения которого для ланжероновских мамыш было очень сложно, практически невозможно.

Впрочем, наследницы их редко одобряли таковое рвение своих родительниц: во всяком случае, они с фантастической скоростью прихорашивались, и тут же радостно и одновременно тревожно прилипали к окошкам, от которых никакой силой их было уже не отодрать. Каждая втайне рассчитывала, что хотя бы один из замковских повес остановит свой выбор именно на ней. Не раз, к великой радости ланжероновок, дядюшка и племянник успевали за вечер обойти несколько домов.

Крепости всегда сдавались без боя и даже с радостью, если не с восторгом.

На следующее утро мамыши ошарашенных дочек хвастались соседкам, что один из замковских побывал именно у них. Особенно они гордились, если их наследница оказывалась именно под шевалье, – всё-таки свой, хозяйский, будущий владелец замка, полуразваленного, маленького, но замка. Сами же девицы постепенно стали отдавать предпочтение шевалье перед графом.

Брат мадам де Ланжерон был, конечно, опытен и изощрён в любовном искусстве, но вместе с тем он был какой-то бешеный, ненасытный, а шевалье был нежный, добрый и ласковый.

По возвращении «мальчиков», хозяйка замка всегда интересовалась успехами своего сына на ратном поприще. Девицам, которые ему доставили особенное удовольствие, она всегда дарила потом плоды своего рукоделья – подушечки, на которых искусно были вышиты различные виды родной Бургундии. Так что захваченные крепости не только не облагались контрибуцией, а ещё и выигрывали от понесённого поражения.

Находясь проездом в Бургундии, граф Роже де Дам заехал в Ланжерон, задержался там на неделю, а, возвращаясь, прихватил с собой, кроме нескольких бочонков с вином и дюжины банок с горчицей, что были презентованы ему заботливой сестрицей, ещё и юного, но в высшей степени бойкого племянника своего Людовика Александра Андро.

Поступив в королевскую гвардию (в полк своего дядюшки), Ланжерон довольно скоро стал близок ко двору Людовика XVI.

Полк графа де Дама должен был принять участие в предполагавшейся высадке на берега Англии (шевалье Ланжерон страстно мечтал в ней участвовать), но высадка так и не состоялась. Однако особенно рвался юный Ланжерон в Северную Америку, где шла в то время борьба английских колоний за отделение от метрополии. И Ланжерон перешёл в другой пехотный полк, которым командовал граф Лавальонморанси.

У пылкой привязанности юного шевалье к американским событиям есть своя, не лишённая интереса, предыстория. О ней, хотя бы вкратце, стоит сейчас упомянуть.

В Париж прибыл один из творцов американской революции, Бенджамин Франклин. Он прибыл в Париж как представитель правительства английских колоний. Ланжерон познакомился с Франклином на вечере у принцессы Луизы де Тарант, придворной дамы королевы Марии-Антуанетты (впоследствии шевалье не раз встречался с ней в Петербурге, куда она через несколько лет эмигрировала).

КАРТИНКА

ПОСОЛ РЕВОЛЮЦИИ В СТОЛИЦЕ ЕВРОПЫ

*Впервые Франклин приехал во Францию ещё в 1767 году, как частное лицо. Он тогда сменил свой скромный квакерский костюм на модный парижский кафтан. Он со смехом писал: «Подумайте только, какой у меня вид, с маленькой косичкой и открытыми ушами». Второй раз он прибыл в Париж через девять лет – в 1776 году, но уже в качестве посла Американской республики, и тут уже отказался следовать парижской моде. Бенджамин Франклин разгуливал по столице в простом коричневом кафтане, волосы его были гладко причёсаны, парик заменяла шапка из куньего меха. И получилось так, что Франклина сделали образцом моды: популярность его в Париже была столь велика, что парикмахеры изобрели причёску *ala Benjamin Franklin*.*

Дождливым унылым декабрьским днём 1776 года, вернувшись после неизменной верховой вечерней прогулки, князь Иван Сергеевич Барятинский, полномочный посланник российской императрицы во Франции, выпил кряду не менее пяти чашек чая, и велел кликнуть своего секретаря Павла Владимировича Зотова, остроглазого и весьма смышлённого молодого человека, которого он чрезвычайно ценил, но одновременно считал слишком уж любопытным – за последнее качество частенько поругивал, но совершенно безрезультатно.

Когда Павел Владимирович вошёл, князь Барятинский сидел и неторопливо перебирал бумаги – на секретаря он даже не взглянул. Прошло не менее получаса. Зотов терпеливо ждал, уставившись в стопку чистых листов, которая лежала у него на коленях.

Наконец, Барятинский произнёс обычную в таких случаях фразу: «Ну-с, начнём, молодой человек». И тут же, даже не смотря в сторону секретаря, начал медленно, с расстановкой диктовать очередной отчёт вице-канцлеру Остерману: Бенджамин Франклин приехал вчера в Париж. Публика столь им занята, что ни о чём ином более теперь и не говорят, как о причинах его сюда приезда, и столько разных известий, что и знать не можно, на чём подлинно основаться. Я должностно поставляю о всех слухах вашему сиятельству донести, в рассуждении сенсации, каковую он произвёл. Одни сказывают, что он приехал сюда только для того, чтобы отдать двух своих внуков в здешние училища, а сам поедет в Швейцарию, и везёт с собой золото в слитках на 600 тысяч ливров здешней монеты, с намерением, чтобы купить себе там замок и спокойно кончить свою жизнь. Другие же говорят, что он лишь только что приехал в Нант, писал к графу Вержену, объявляя ему, что он прислан от Американских независимых Соединённых Провинций трактовать с Франциею».

Через пять лет – в один из сентябрьских дней 1781 года – князь Барятинский устроил небольшой приём в честь Бенджамина Франклина, пригласив на него особо русского посланника в Англии, Семёна Романовича Воронцова, и сестрицу его Екатерину Романовну Дашкову, настроенных весьма проамерикански и симпатизировавших лично Бенджамину Франклину.

Представитель Американских Соединённых Провинций явился в сопровождении лейтенанта де Ланжерона, своего нового друга и добровольного телохранителя.

Семён Романович и Екатерина Романовна имели с Франклином продолжительную беседу, живую, искромётную, весёлую, и вместе с тем совершенно серьёзную, в которой прежде всего затрагивались темы политико-философские (секретарь князя Барятинского Павел Зотов слушал во все свои чуткие уши). А потом шевалье де Ланжерон читал сцену из своей новой тираноборческой трагедии, в которой по адресу англичан было высказано немало упрёков.

Стих трагедии был довольно нестроен, и даже, пожалуй, шершав, но шевалье читал настолько пылко, что это в глазах слушавших компенсировало всю слабость поэтической техники. Только в глазах Екатерины Романовны Дашковой (она сама была автором нескольких довольно слабых пьесок, являясь при сём весьма строгим ценителем искусства) заметна была лёгкая ироническая усмешка.

Под влиянием дружбы с Франклином, увлёкшись восстанием английских колоний в Америке, Ланжерон в чине лейтенанта флота присоединился к экспедиционному корпусу генерала графа де Рошамбо. Ланжерону было тогда девятнадцать лет.

Полк графа Лавальяноморанси в 1782 году на корабле «Aigle» (Орёл) был отправлен из Ларошели в Северную Америку, для оказания помощи английским колониям в их борьбе за независимость.

Эта экспедиция оказалась не совсем удачной. Всё дело в том, что у американских берегов французские корабли были атакованы английскою эскадрою Эльфинстона. Корабль «Aigle», получив серьёзные повреждения, укрылся затем от преследователей в устье реки Делавар.

КАРТИНКА ПРИВЕТ, АМЕРИКА

Генерал граф де Рошамбо, командир французского экспедиционного корпуса, и барон де Виомениль, кажется, не ладили между собой никогда. Не было буквально ни одного мнения, ни одного указания графа, которое барон бы принял. Генерал же Рошамбо глубоко презирал барона как человека, и ни во что ни ставил его как военачальника. Но они вынуждены были работать вместе, и работали.

Впрочем, при подчинённых генерал Рошамбо и барон де Виомениль держались в высшей степени корректно и были даже любезны по отношению друг к другу, но все окружающие знали об истинном характере их отношения друг к другу.

Генерал же Вашингтон ценил и генерала и барона, относился к ним в высшей степени ровно, не выделяя ни одного из них, но всё-таки было известно, что более он симпатизировал графу де Рошамбо.

Когда пришли сведения, что военный фрегат «Орёл» обстрелян англичанами и даже весьма основательно ими подпорчен, то генерал Рошамбо никак не прореагировал на это известие, а барон разразился целым каскадом проклятий по адресу англичан и тут же побежал к генералу Вашингтону.

– Какова же судьба фрегата? Что доподлинно известно? – осведомился довольно равнодушно Джордж Вашингтон, не отрываясь от карты, изучением которой был занят.

Барон тут же ринулся назад, дабы выяснить детали у Рошамбо, от которого и узнал эту новость.

Вскоре Виомениль вернулся, и, запыхавшись, сообщил, что фрегат «Орёл» укрылся от англичан в устье реки Делавар.

– А где же маркиз Водрель? – уже с некоторой долей интереса спросил Вашингтон, откинувшись на миг от заваленного бумагами длинного, как бы вытянутого в полосу, письменного стола.

– Вице-адмирал Водрель направляется к вам!

Барон Виомениль тут же выпалил это, по-детски радуясь, что может сразу ответить, не бегая за уточнениями к графу де Рошамбо:

Маркиз Водрель прибыл минут через сорок. Его сопровождали лейтенанты королевского флота шевалье де Ланжерон де Сэсси и граф Луи-Филипп де Сегюр (впоследствии шевалье с графом не раз встречался в Санкт-Петербурге, куда последний был направлен в ранге полномочного посланника Франции в России).

Маркиз де Водрель предстал перед генералом Вашингтоном печальным и израненным. Осколок пушечного ядра ему задел левое плечо. К тому же раны, нанесённые фрегату «Орёл», он ощущал как свои собственные. Ланжерон же и Сегюр, по молодости лет, были веселы и беспечны. Они беспрестанно острили, шутили и пикируясь друг с другом. Присутствие генералов Рошамбо и Вашингтона как будто их совсем не смущало.

Скоро к прибывшим присоединился граф Лавальонморанси, полковой командир лейтенантов. Он, так же как и они, был молод и легкомыслен.

Маркиз Водрель смотрел на своих спутников осуждающе, но они, казалось, не замечали совершенно ничего. Барон Виомениль явно поддерживал маркиза, а генерал Рошамбо, судя по всему, был на стороне французской аристократической молодёжи, был на стороне юности.

Ужин примирил всех. Было много выпито и много сказано речей. Гневных речей об англичанах, и, в частности, об эскадре адмирала Эльфинстона, посмевавшей громить фрегат «Орёл».

Поздно ночью, войдя, наконец, в отведённую для него комнату, шевалье де Ланжерон быстро очинил перья и принялся за продолжение начатой на корабле поэмы «Звезда

любви», которую посвящал оставшейся в Париже юной жене своей Мари-Диане Маньяр де ля Вапалье.

Исписав четыре страницы, он аккуратно промокнул их, сложил и положил затем в боковой карман камзола.

Предавшись минутным воспоминаниям, шевалье снял с шеи медальон, осторожно открыл его и стал глядеть на миниатюрный портрет своей Дианы – она была изображена художником в белой кашемировой шали, по моде завязанной вокруг талии. С лёгким стоном поцеловав изображение, шевальере решительно захлопнул медальон и стал укладываться спать. При этом он шёпотом повторял только что написанные строки поэмы. Узкое вытянутое пропечённое солнцем лицо Ланжерона осветила довольная улыбка – видимо, он был удовлетворён своими стихами.

Было слышно, как за стеной вышагивает граф Сегюр. Завтра с утра они собирались в Филадельфию – как следует покутить. А полковой командир граф Лавальонморанси трудился в это время в объятиях прекрасной голландки. Этажом же ниже, расположившись в большом пустоватом холле гостиницы, Вашингтон, Рошамбо и Виомениль о чём-то тихо говорили, глядя на карту. Один маркиз Водрель, усталый и опустошённый, спал выматывающим нервным сном. Ему снился фрегат «Орёл», целый и невредимый.

Шевалье Ланжерон де Сэсси, ступив на американский берег, отправился сначала в Филадельфию, а потом – в Бостон, где присоединился к эскадре маркиза Водреля, которая отправлялась в Южную Америку с войсками под началом барона де Виомениля. Ланжерон принял участие в сражениях при Порто-Кабелло, Каракасе, Сан-Доминго (1782–1783).

КАРТИНКА

КАРАКАС. 1782 ГОД.

Барон де Виомениль брал Каракас, раскинувшийся на семи холмах и состоящий из нескольких городков, точнее, из нескольких отчаянных разбойничьих притонов. Да, собственно, и городками это нельзя было назвать: то были холмыуравейники, покрытые лачугами-ранчос. А название было чрезвычайно пышное (лейтенант шевалье де Ланжерон обожал его повторять): Сант-яго-де-Леон-де-Каракас.

На каждый из холмов барон бросил по отряду гвардейской пехоты. И в течение пары часов Каракас был взят. Гвардейцы разломали до основания все лачуги-ранчос, частью перебили, а частью разогнали их обитателей.

Вечером он вместе со своим маленьким личным гаремом с наслаждением лакомился арпой (кукурузными лепёшками с ветчиной и перцем), качапос (кукурузными лепёшками с сыром и стручковой фасолью) и жареными бананами такадас, запивая всё это горчайшим местным пивом необычайной крепости.

Потом лейтенант прогуливался по бульвару Сабана Гранде.

Глубокой ночью Ланжерон принялся за продолжение поэмы «Маленькая Венеция Любви», которую намеревался посвятить своей очаровательной юной жене Мари-Диане Маньяр де ла Вапалье.

Ранним утром следующего дня Ланжерон отправился осматривать горную гряду Авила.

Вернувшись и позавтракав, лейтенант королевской пехоты захватил с собой мешок жареных бананов такадас и отправился в путешествие к Ориноко.

Река – это дорога в вечно сырых непроходимых джунглях. На её берегах изредка стоят индейские хижины – палафитос.

Ланжерон глядел во все глаза на проплывавшие чёрные долблённые каноэ, которых сопровождали маленькие речные дельфины. Однако более всего лейтенант присматривался к архитектуре индейской Венеции, присматривался к тому, как устроены хижины: чёрные сваи, посередине – настил, сверху – крыша из листьев, стены совершенно отсутствуют, к сваям привязаны гамаки, фактически являющиеся единственной мебелью.

Из прогулки по Ориноко лейтенант Ланжерон вернулся в Каракас со свеженанписанной поэмой «Водопад ангела», набросками пьесы из жизни речных индейцев.

В 1783 году был заключён Версальский мир, и шевалье Ланжерон де Сэсси, которому тем временем исполнилось ровно двадцать лет, вернулся во Францию. Он служил в Медоке (1786) и Арманьяке (1788), пройдя путь от капитана до полковника.

Завершился американский и самый романтический этап его незаурядного и в высшей степени пёстрого военного пути. Будет несколько лет передышки, и потом начнётся принципиально новый виток в его карьере гвардейца Людовика XVI.

В 1787 году Ланжерон был зачислен капитаном в драгунский полк принца Конде, а потом был назначен сверхштатным полковником в полк Арманьяка. Разразившаяся революционная гроза всё изменила в его судьбе, как и в судьбе всей французской аристократии.

В начале революции шевалье служил в военной охране Версальского дворца.

КАРТИНКА

ВЕРСАЛЬ – ПАРИЖ

Шевалье де Ланжерон вернулся после развода караула. Он, не снимая сапог, лёг на узкую походную кровать., а шпагу аккуратно поставил в коридорчик, который вёл в отведённые ему две комнаты.

Была глубокая ночь. Казалось, что весь Версаль уснул. Но тут в коридоре раздались мерные твёрдые шаги. Ланжерон вздрогнул. Положение было в высшей степени тревожное. В любой момент его могли арестовать и набрать новую охрану дворца из числа разбойников и бродяг, наводнивших с недавних пор Париж и окрестности. В общем, шевалье ждал ареста.

Когда раздался стук в дверь, он спокойно встал, достал из коридорчика шпагу, которую ему некогда подарил генерал Вашингтон, и опёрся на эфес. «Войдите» – негромко сказал Ланжерон, ничуть не выказывая волнения.

Дверь открылась. На пороге стоял посыльный. Он вручил Ланжерону два пакета, молча поклонился и вышел.

Ланжерон спешно бросился вскрывать пакеты. В первом пакете было письмо от дядюшки Роже де Дама. Оно было совершенно беззаботное, радостно-легкомысленное, полное надежд и обещаний.

Дядюшка Роже весьма изживо, но одновременно с нескрываемой гордостью сообщал о том, что назначен адъютантом Григория Потёмкина, всесильного любовника российской императрицы Екатерины II. Он призывал племянника приехать в Россию, гарантируя множество любовных приключений, может быть, и с самой императрицей, всегда необыкновенно щедро награждавшей своих фаворитов, даже самых мимолётных. Кроме того, дядюшка поведал о тех блистательных победах, которые Россия одерживала над Турцией. «Награды так и посыпятся на тебя», – убеждал он племянника.

Ланжерон прочёл письмо, вздохнул и задумался. Дядюшка Роже никогда не зазывал его в авантюры, чреватые особыми неприятностями. Явно стоило поразмыслить над

нынешним его предложением, тем более что обстановка в Версале – а точнее, вокруг него – становилась всё более неприятной и накалённой.

Второе письмо было от другого дядюшки – Шарля-Сезара, герцога де Дама.

Именно Шарль-Сезар зазвал его в Америку. Он был адъютантом генерала де Рошамбо, командовавшего французским экспедиционным корпусом. Он провёл в беседах с племянником не одну бессонную ночь, рассказывая ему о борьбе колоний с английской королевской властью.

Сейчас Шарль-Сезар в срочном порядке призывал Ланжерона в Париж – нужно было обговорить детали готовившегося бегства короля Людовика XVI.

Ланжерон схватил треуголку, шапку и ринулся на дворцовую конюшню. Буквально через десять минут он мчался в Париж. Нервы его были напряжены. Мысль об опасности, грозящей королю и королеве, гнала всадника.

Ланжерон принял участие в антиреволюционной деятельности как публицист и писатель-пародист. По приглашению известного тогда памфлетиста роялистского направления М. Палтье (М. Paltier) он вошёл в редакцию такого издания, как «Les Actes des Apotres». Это была серия сатирико-политических брошюр, которые издавались на средства из собственной кассы короля Франции в качестве противовеса революционным листкам. В этих брошюрах в стихах, прозе и драматической форме высмеивались действия Учредительного собрания. Издание продержалось до октября 1791 года – оно было прекращено по желанию самого короля, но шевалье Ланжерона де Сэсси в это время уже не было во Франции.

Во время французской революции, будучи в Лондоне, он писал для французских газет и сочинил несколько пьес: «Масаниэлла», «Розамонда», «Мария Стюарт» и «Притворное столкновение» (последняя пьеса, единственная комедия из всего этого списка, была даже тогда поставлена – случилось это в 1789 году).

В 1789 году дядюшка Ланжерона Рожер де Дам отправился искать счастья в Россию. Вскоре за ним и двинулся в Россию и племянник, для которого граф всегда был идиолом (впрочем, был ещё ряд причин, не говоря уже о французской революции). Появление их в Санкт-Петербурге, а затем и на театре военных действий с Турцией, не осталось незамеченным. Во всяком случае, в «Древней и современной истории России» Г. Кастельно сказано о появлении на российском горизонте дядюшки и племянника.

Эти факты пересказал и прокомментировал в седьмой песне романа в стихах «Дон Жуан» великий английский романтик Байрон:

«Когда бы нам (историк говорит)
Деянья русских описать досталось бы,
Тома б наполнить мог любой пиит —
И многое несказанным осталось бы!»
А посему о русских он молчит
И воздаёт хвалы (смешно казалось бы)
Десятку чужеземцев: Ланжерон,
Дама́, де Линь – вот русской славы звон!

Намечалась война Австрии с Турцией. Имея в виду данное обстоятельство, Ланжерон собирался поступить в австрийскую службу, но император Иосиф II отклонил его просьбу. Тогда Ланжерон отправился в Санкт-Петербург, найдя в России, без всякого сомнения, гораздо более ласковый, нежели в Австрии, приём.

Сохранилась собственноручная записка русской императрицы Екатерины II, в которой она, одобряя принятие полковника Ланжерона в русскую службу, оценивала его как полноцен-

ного и яркого представителя французской аристократической культуры, столь значимой для русской культуры и в целом для русской государственности, для русского дворянского самосознания, ориентирующегося на европейские ценности.

Вообще у русской императрицы была целая теория трансплантации французской аристократической культуры на русскую почву. Как известно, из Франции прибыло под видом аристократов немало проходимцев, но в конце восемнадцатого столетия в пределах Российской империи оказались и подлинные носители французской аристократической культуры.

Собственно, в России, благодаря событиям 1789 года и последовавшим за ним потрясениям, сложилась целая французская аристократическая колония. К числу представителей этой колонии принадлежал и граф Ланжерон (тогда ещё маркиз де ля Косс и барон де Куиньи). Первоначально колония эта возникла и кристаллизовалась вокруг личности друга герцога Армана Эманюэля Софии Дюплесси Ришелье (1766–1822), генерал-губернатора Одессы и Новороссийского края, впоследствии первого министра Людовика XVIII. Александра Смирнова-Россет, дочь шевалье Россета, фрейлина при дворе русского императора Николая I, в своих записках и дневниках оставила несколько интереснейших наблюдений, которые касаются французской аристократической колонии в России, группировавшейся вокруг герцога Ришелье:

Вокруг герцога собрались лучшие эмигранты, его двоюродный брат Rastignac, Rochechoir, Mortemart, le marquis de la Maisonfort, le Comte de Castelnau, le Comte d'Olonne, le Comte d'Allonville, le Comte de St.-Priest;

Всё, что было лучшего в эмиграции, группировалось вокруг герцога;

С Ришелье отправились лучшие из эмигрантов.

Собственно, французам фактически был отдан весь Юг России – они должны были его цивилизовать.

КАРТИНКА

1815 ГОД. ОДЕССА И ФРАНЦУЗЫ.

БЕСЕДУЮТ ГЕРЦОГ РИШЕЛЬЕ И ГРАФ ЛАНЖЕРОН

– *Граф, как Вы, вероятно, знаете, Одессу основал адмирал Осип Михайлович де Рибас. Он был отличный военный, но, в общем-то, не так уж много сделал для процветания Одессы. Когда я прибыл в Одессу, там не было ни троттуаров, ни фонарей. Да и что, собственно, мог сей испанский матрос, прыгнувший на Руси в адмиралы... Паясничать да передразнивать вельмож, дабы забавлять императрицу?! Добра он Одессе особого не принёс, но зла ощутимого тоже не принёс. А вот князь Потёмкин принёс именно зло...*

– *Понимаете, граф. – Граф Ришелье (а это был именно он – губернатор Новороссийского края, герцог Арман Эманюэль Софии Дюплесси Ришелье) в нерешительности остановился, но тут же продолжил как ни в чём не бывало. – Императрица Екатерина выложила своему Гришеньке полмиллиона на благоустройство Одессы. И на бумаге были построены церковь, присутственные места, казармы, сиротский дом. Но знаете, что я увидел по прибытии своём в Одессу? Разве что фундаменты – и не более того. И мне пришлось всё начинать заново.*

Граф Ланжерон изумлённо заметил:

– *Как это возможно, герцог?*

– Возможно всё, любезнейший. Но я кликнул клич, и мне помогли, помогли наши свами соотечественники. Правда, многих пришлось погнать прочь, но достойных я оставил, и не пожалел об этом. Вы, вероятно, слышали мой девиз, граф?

Граф де Ланжерон улыбнулся и скороговоркой произнёс:

– «Сажайте, скрещивайте, поливайте».

– Вот именно. Я вызвал бывшего своего парижского садовника Батиста. Он привёз с собой из Франции корни фруктовых деревьев. Вызвал негоциантов Рубо и Васселя. Они переправили в Новороссийский край образцы пород овец и лошадей. Я раздавал земли под Одессой нашим соотечественникам, дабы они их благоустроивали. Графа Шарля Растиньяка, – вы, кажется, знаете его? – Ланжерон кивнул.

– я послал губернаторствовать в Крым. Аббат Доминик Шарль Николь основал в Одессе лицей. Перед своим отъездом из Одессы я подарил Лицею свою библиотеку. Ещё знаете кого я пригласил в эти края? Догадайтесь, граф. – Французского парикмахера. Это некто Рено (ныне он утверждает, что он барон). Правда, брил и стриг он недолго. Стал поначалу торговать духами и пудрой, потом перешёл на торговлю мукой, наконец, выстроил в центре Одессы особнячок, который стал первым одесским отелем. И всё это вы теперь должны развивать, дорогой граф. Впрочем, я оставляю вам подробнейшую записку. Знаете, что я ещё хочу рассказать вам?

Граф Ланжерон вопросительно взглянул на герцога Ришелье.

– Уговаривая меня принять Новороссийский край, император Александр сказал мне следующее: «Герцог, поручаю вам этот край; вы знаете, как я любил мою бабу, она мне его завещала. Развивайте особенно торговлю. Одесса могла бы быть портом. Я вам даю самые широкие полномочия». Эти слова, мне кажется, вполне могут стать наказом и для вас, – как вы полагаете? Впрочем, что-то становится совсем холодно. Пойдёмте к вам, граф, у вас и продолжим.

Но вернёмся теперь к письму Екатерины II (1790) о принятии в русскую службу графа Ланжерона, который впоследствии сменил герцога Ришелье на посту губернатора Новороссийского края.

Письмо это фактически представляет собой маленький трактат, в котором предпринята попытка суммарно-аналитического рассмотрения общецивилизационной значимости французской аристократии, понимаемой русской императрицей как единый эстетико-поведенческий комплекс, сложившийся на протяжении нескольких столетий, как громадный культурный феномен, имеющий непреходящее значение для человечества.

С одной стороны, письмо имело совершенно конкретный прагматико-политический аспект, в основе которого лежала идея неизбежного восстановления великой французской монархии. Но был тут и аспект, так сказать, идеально-культурологический.

Всё дело в том, что русская императрица Екатерина II строила свой двор по модели двора французского. Она мечтала о не меньшем величии и блеске и ей необходимы были настоящие французские аристократы, вассалы, не только виртуозно владеющие шпагой, но ещё и остроумные, утончённые и изысканные.

В таком концептуальном контексте принятие шевалье Ланжерона де Сэсси в русскую службу в 1790 году приобретает, как представляется, глубоко символический смысл.

Во Франции свирепствовал революционный террор, и, по мысли Екатерины II, Россия как бы соглашалась принять – и даже была горда этим – на сохранение живые традиции французской аристократической культуры.

ДОКУМЕНТ

ДЛЯ БИОГРАФИИ ГРАФА ЛАНЖЕРОНА

Собственноручная заметка Екатерины II

J'ai lue avec d'autant plus de plaisir la lettre que Monsieur de Langeron m'a écrit de Vienne que j'ai crue reconnaître l'esprit et les maximes de cette illustre noblesse Française à latete de laquelle les Roys et nomement Henri IV et Louis XIV se disoit invincible et l' étoit en effet, le premier avant reconquis son Royaume avec quatre cens Gentilhommes Français donnant l'exemple à quelques troupes Allemandes et Suisses, et le second ne resista-t-il pas à l'Europe entière liguée contre lui? La splendeur de ce regne due prescue toute entière au courage, à la capaciè, a l'habilité et aux autres belles, grandes et aimables qualités de la Noblesse qui l'entouroit et qu'il employoit, a durèe jusqu'à nos jours dans l'opinion publique. Je souhaite et je dèsiere que mes chevaliers de S-te George rendent au plutot la paix et la tranquillité à leur Roy ce qui lui appartient de droit pour la prosperité du Royaume et le bien de ses sujets. Je pense qu'il ne seroit ni difficile ni guère meme risqueux de renvoyer quelques certaines d'Abbès, de Procureurs et d'Avocats dans leurs galetas; l'opinion publique aisement, surtout chez un peuple leger, ce rangeroit du cotè de la valeur et de la justice, et comme la magnanimité accompagne toujours le grand ouvrage en diminneroit par elle le nombre des coupables, et on ne sappliqueroit qu'à ramener l'ordre et la discipline en delruisant l'Anarchie, cause de tous les malheurs.

Перевод: Письмо господина Ланжерона, которое он написал ко мне из Вены, я прочла с большим удовольствием, в особенности потому, что в письме этом, как мне кажется, выражены дух и правила того славного французского дворянства, стоя во главе которого, короли, а именно Генрих IV и Людовик XIV, почитали себя непобедимыми, и действительно были таковыми, ибо первый из них, с четырьмястами французских дворян, увлекавшим примером своим немногие немецкие и швейцарские войска, успел возвратить себе своё королевство, а Людовик XIV противостоял целой Европе, соединившейся против него. Блеск сего царствования в общественном мнении до наших дней, а этим блеском оно почти исключительно одолжено мужеству, талантливости, пригодности и другим прекрасным, великим и любезным качествам дворян, коими окружал себя и черезкоторых действовал Людовик XIV. Моё намерение и воля, чтобы мои кавалеры святого Георгия (имеются в виду французские эмигранты – автор) доставили скорее своему отечеству мир и спокойствие, а королю своему то, что ему принадлежит по праву, для процветания королевства и во благо подданных. По моему мнению, можно бы без труда и даже без всякой опасливости спровадить домой на чердак несколько сотен аббатов, прокуроров и адвокатов. Общественное мнение, и особенно в народе удобоподвижном, легко преклоняется на сторону внутренней силы и правды. К тому же с великим делом неразлучно великодушие, в силу которого виновных окажется не очень много. Забота должна быть одна – восстановить порядок и повиновение, подавив анархию, причину всех несчастий.

Итак, в 1790 году маркиз де ля Косс, шевалье Ланжерон де Сэсси, барон де Куиньи поступил, с благословения императрицы Екатерины II, в русскую военную службу. Рекомендовал его принц Нассау-Зиген (1745–1808), с 1788 года бывший контр-адмиралом русского флота.

КАРТИНКА НОЧНЫЙ РАЗГОВОР

Карл Генрих Никола Оттон Нассау, решительно и даже с каким-то отвращением сбросив сверкающий золотом адмиральский мундир и отпихнув его ногой в сторону большого кресла, обитого чёрным бархатом, нервно вышагивал по своему огромному каби-

нету. За окном умирал сырой петербургский вечер, переходя в ночь. Царил гнилой полумрак. Свечей не зажигали. В воздухе стояло явное раздражение с примесью тревоги.

– Понимаете ли, маркиз, высшее общество предельно развращено, и источник глубочайшего нравственного распада – Зимний дворец. Эта жирная старуха поощряет своих бесчисленных любовников, а те нагло и беззастенчиво грабят Россию. Цинизм принял совершенно невиданные масштабы. Очень скоро вы убедитесь в этом.

Принц Нассау буквально носился по кабинету. Он был совершенно вне себя от волнения. Голос его дрожал. Его собеседник маркиз де ля Косс не знал, как реагировать на всё это.

Сначала он вжался в чёрное бархатное кресло, как будто хотел слиться с ним, а потом вскочил и стал бегать за высоченным журавлеподобным принцем, не очень, впрочем, поспевая за ним.

Принц же, между тем, казалось бы, не обращал на своего юного гостя ровно никакого внимания. На какую-то долю секунды он остановился, умолк, а потом опять стал нервно вышагивать и говорить:

– Тут происходят вещи совершенно невообразимые, которые и в голове как-то не укладываются. Князю Потёмкину в прошлом году была выплачена зарплата на десять лет вперёд – это что-то порядка одного миллиона рублей. Ему выдали из государственной казны сто тысяч рублей на строительство Таврического дворца, в котором, я уверен, вы ещё побываете, а потом купили этот дворец за несколько миллионов, а через год подарили ему дворец. Должен вам признаться, маркиз, что меня три года назад приняли в русскую службу по протекции князя Потёмкина, но я не могу закрыть глаза на то, что вытворяет сей человек. Это дикарь, наделённый бешеной энергией, сластолюбием и какой-то животной жаждой власти. И его желания никто не смеет ограничить, и только потому, что он какое-то время обретался в императорской спальне. Ему дозволено буквально всё. Нет даже видимости соблюдения законов.

Принц Нассау вдруг резко остановился. Его длинный нос дёрнулся и замер. Остановился и маркиз, но уже не выглядел таким испуганным, как в первые минуты после своего появления в кабинете командующего русским гребным флотом. Смущение и недоумение во взгляде маркиза сменилось изумлением и негодованием.

С принца градом катил пот, хотя камин не был растоплен.

Принц задыхался. Маркиз де ля Косс схватил с маленького столика, неприметно стоявшего в углу кабинета, графин со смородиновым морсом, налил его в огромный, бокообразный бокал и поднёс принцу. Тот единым залпом опорожнил бокал, кивнул в знак благодарности, потом начал опять ходить и продолжил:

– Маркиз, вы направляетесь в Дунайскую армию под начало князя Потёмкина. Имейте в виду, что нравы там распущены просто предельно. Раздача офицерам наград происходит главным образом по мере услуг, оказываемых этими людьми любовницам Потёмкина. Военная же доблесть во внимание не принимается.

– Неужели такое возможно? – спросил потрясённый маркиз.

– Маркиз де ля Косс, барон де Куиньи, шевалье де Ланжерон, вы ещё ничего не знаете о тех безобразиях, что творятся в армии у Потёмкина, – дёргаясь всем телом, отвечал принц Нассау.

– Слушайте, маркиз. В то самое время, когда происходила осада крепости Очаков, князь был влюблён в супругу своего родственника, Павла Потёмкина. Для того, чтобы угодить ей, князь не щадил ни средств (естественно, казённых), ни людей (естественно, находящихся на государственной службе). Неоднократно посылал он за границу офицеров (опять же, на казённые деньги), чтобы закупить там для своей любовницы предметы роскоши. В Париж был отправлен офицер Охотин, который должен был приве-

сти драгоценности. Во Флоренцию отправили Ламсдорфа. Он вернулся оттуда с двумя повозками, нагружёнными духами.

– Немыслимо, – пробормотал маркиз, бледнея и сверкая глазами.

– Это ещё не всё. Маркиз де ля Косс, вы даже представить себе не можете, чем занят главнокомандующий Дунайской армией и по совместительству министр российской империи. Судите сами. В местечке Бендеры, где была ставка Потёмкина, при князе находится 500–600 лакеев, 200 музыкантов, 100 брадобреев, 20 ювелиров. В маленьком, полуразрушенном и окружённом степью турецком городке, фактически создан второй императорский двор (за счёт государственной казны, конечно). И о каком реальном командовании армией тут можно говорить? Успешные боевые действия идут вопреки усилиям Потёмкина. Хорош главнокомандующий, а, маркиз? Как вы полагаете? Да, всё возможно, если ты в состоянии удовлетворить императрицу. Вот так-то, любезнейший.

Маркиз был настолько раздавлен всем услышанным, что не мог произнести ни слова.

Заметив произведённое впечатление, принц Нассау мрачно и одновременно удовлетворённо улыбнулся:

– Ну что ж, продолжу вводить вас в курс дела, дорогой маркиз. Конечно, фаворитизм есть фактически в любом государстве, но тут он порождает исключительное неуважение к правам личности. Вот вам весьма выразительный пример. Однажды Потёмкин случайно узнал, что на Кавказе служат два офицера, умеющие плясать по-цыгански. Он тотчас же послал за ними. Они приехали и сплясали перед князем. Позабавившись этим зрелищем, Потёмкин отпустил их, наградив майорским чином. Скажите, маркиз, возможно ли предположить, чтобы офицеры в какой-либо иной стране позволили обращаться с собой столь же недостойным образом?

– Принц, то, что вы говорите, поистине ужасно, – промолвил с чувством маркиз де ля Косс. В живых, выразительных зелёно-карих глазах его стояли слёзы.

– Любезный маркиз, всего, конечно, не расскажешь, но вот ещё один эпизод, довольно точно и выразительно освещающий то величайшее презрение к человеческой личности, которое могут тут себе позволить фавориты, которые поистине всесильны. Раз Потёмкин играл в карты с князем Барятинским и был очень рассеян. Тот, воспользовавшись рассеянностью Потёмкина, обыграл его. Потёмкин сказал ему, бросая карты: «Нет, братец, я с тобою буду теперь только в плевки. Приходи завтра». Приглашённый не преминул явиться. «Плюй на двадцать тысяч» – сказал Потёмкин. Барятинский собрал все силы и плюнул. «Выиграл, братец: смотри, я дальше твоего носа плевать не могу!» – произнёс Потёмкин, плюнул в лицо князю Барятинскому и отдал проигрыш. Ладно, маркиз, не буду пока вас больше мучать своими рассказами, которые, должно быть, весьма расстроили вас. Давайте отужинаем, успокоимся, хоть ненадолго придём в себя, а то я столько ужасов напел вам, что так недолго и с ума сойти. Пойдёмте, пойдёмте. Остальное поведаю вам как-нибудь потом.

Принц Нассау взял под руку маркиза де ля Косса и они направились в залу.

Ланжерон был зачислен в первый Сибирский гренадерский полк, входивший в стоявшую на Дунае армию, которой командовал Г. А. Потёмкин, могущественнейший фаворит Екатерины II.

Ланжерон, впрочем, в полк не поехал, а остался сначала в Петербурге, который внешне становился тогда всё более великолепным, всё более рафинированным.

Ужасно хотелось воевать, отличиться, но так тяжело было сразу же расстаться с Петербургом, с той рассеянной, светской жизнью, которую юный Ланжерон обожал не менее, чем

войну: да, война давала возможность отличиться, но и светская жизнь давала возможность проявить себя, давала какое-то новое приложение бьющей через край энергии.

КАРТИНКА ПЕРВАЯ АУДИЕНЦИЯ

– Ваше величество, позвольте искренне поблагодарить Вас за милостивое письмо и за предоставленную мне возможность послужить России.

Юный маркиз де ля Косс, шевалье де Ланжерон, грациозно и с чувством произнося эту довольно дежурную фразу, один глаз непроизвольно скосил немного вправо: рядом с императрицей Екатериной II стояла корзина, где на розовой атласной подушке, обшитой кружевами, покоилось семейство собачек – очаровательных английских левреток, кои, впрочем, жадно, брызгая слюной, раскусывали и глотали кусочки сахара, и на этот раз показались маркизу весьма противными.

Пока императрица что-то говорила маркизу (он услышал только вежливое «Садитесь», все остальные слова, сказанные Екатериной, промелькнули, не оседая в его кудрявой голове), он на мгновение опустил голову и уже не в силах был оторвать взора от её безобразно распухших ног, которые были втиснуты в открытые башмаки. Но маркиз довольно быстро справился с собой, вышел из состояния оцепенения и нашёл в себе силы оторваться от неприятного зрелища.

Когда маркиз поднял глаза, живые, зеленовато-карие, но слишком выпуклые, и, казалось, готовые выскочить из орбит, то увидел, что всё лицо императрицы покрыто багровыми пятнами, и его передёрнуло. Но тут он встретился с умным, насмешливым взглядом Екатерины, заметил, что её синие глаза смотрели на него с нескрываемо искренним интересом, приветливо и чуть извинительно улыбнулся. Маркиз, будущий граф Ланжерон не знал, что проницательная, но слишком привыкшая к лести Екатерина приняла инстинктивно возникшее у молодого человека чувство отвращения перед её старческим безобразием за смущение человека, впервые лицезрящего Екатерину Великую.

Маркиз пришёл в себя и теперь вполне понимал более или менее то, о чём говорит императрица, и даже поддакивал ей уже вполне осмысленно.

Речь зашла о 1789 годе и последовавших за ним кровавых событиях. Екатерина стала волноваться (вообще надо сказать, что от природы она была нетерпелива, легко забываясь и быстро выходя из себя): пятен на её одутловатом лице вдруг заметно прибавилось и общий багровый оттенок явно усилился.

Екатерина в запальчивости сказала, доказывая самой себе (маркиз её вообще ни о чём не спрашивал), что разгон революционной армии – задача легко осуществимая:

– Я утверждаю, что стоит завладеть только двумя или тремя ничтожными крепостями во Франции, и все остальные падут сами собой. Я уверена, как дважды два четыре, что две крепости, взятые открытой силой кем угодно, заставят всех этих баранов прыгать через палку, которую им подставят, с какой стороны захотят. Двадцати тысяч казаков было бы слишком много, чтобы расчистить дорогу от Страсбурга в Париж: двух тысяч казаков и шести тысяч кроатов будет довольно.

Маркиз посмотрел на Екатерину с большим воодушевлением и нескрываемым чувством признательности. Впоследствии он ей никогда не простит, что эти слова императрицы оказались очередным блефом – никаких казаков и кроатов (хорватов) во Францию она так и не послала, отделяясь миллионами ливров для французских принцев.

Но вернёмся в кабинет императрицы в Зимнем дворце, в котором будущий граф Ланжерон получил свою первую аудиенцию у русской царицы.

Багровые пятна на лице Екатерины сгустились и потемнели. Лицо её напоминало уже не красную, а чёрно-красную маску с двумя синенькими прорезями. Императрица даже вскочила с кресла и возмущённо топнула ногой. Тут же она, правда, скорчилась от боли и села, что как раз её и отрезвило. Разговор плавно перетёк на судьбу маркиза.

– Сколько я помню, вы зачислены в Дунайскую армию фельдмаршала Потёмкина? – осведомилась императрица.

Маркиз кивнул и сделал благодарственный поклон.

Екатерина ласково улыбнулась и спросила:

– Маркиз, а удовлетворены ли мы этим назначением?

Затем она наставительно продолжила:

– Фельдмаршал строг (недрузи утверждают, что капризен), но он добр и всегда готов оценить даровитых юношей, впрочем, как и я.

– Государыня, я всецело одобряю выбор, сделанный относительно моей службы, но всё-таки рискую обратиться к вам с нижайшей просьбой. Не позволено ли мне будет, прежде отбытия в Дунайскую армию, принять участие в Шведской кампании?

Екатерина испытующе взглянула на маркиза и недовольно поморщилась, но ничего не сказала, только в увядшем лице её прибавилось тёмно-багрового оттенка и улыбка куда-то пропала.

Наконец она заговорила, медленно отцеживая слова:

– Значит, для начала хотите послужить у принца Нассау Зигена? Что ж и это не плохо. Фельдмаршал Потёмкин весьма ценит его. Идите, маркиз, я вас ещё призову.

Не успел маркиз де ля Кос выйти из кабинета императрицы, как она раздражённо и с остервенением скинула башмаки, вытянула ноги и положила их на маленькую скамеечку.

– Глуп и труслив – в сердцах проговорила Екатерина. – И почему все так боятся князя, он ведь такой ласковый, такой нежный. Да, уже успел наслушаться маркиз сплетен, это точно. Но до чего же свеж этот мальчишка, глупенок, но ужасно свеж, так и хотелось его потискать. С трудом удержалась, ну, даст бог, ещё встретимся с ним.

Императрица затаённо, даже с какой-то грустью вздохнула и велела подать кофию, до которого была страстной любительницей. Она пила необыкновенно крепкий кофий, несмотря на строжайший запрет доктора Роджерсона, над которым она, впрочем, нещадно потешалась.

Ланжерон принял участие в открывшейся шведской кампании (борьба за Финляндию).

Он командовал второй дивизией русского гребного флота. 21 и 22 июня в сражении при Биорке-Зунде принц Нассау-Зинген разбил шведский флот. Ланжерон в этом сражении отличился и был награждён лично Екатериной II. 28 июня состоялось сражение при Роченсальме, исход которого для русских не был особенно благоприятен. Ланжерон командовал левым крылом гребной флотилии. После завершения битвы он соединился с русскими кораблями у Фридрихсгама.

КАРТИНКА

ПОЦЕЛУЙ ИМПЕРАТРИЦЫ

В голове уже с полчаса что-то стучало: как будто внутри кто-то сидел и бил молотком. А ноги болели невыносимо – они и ныли и одновременно в них было какое-то жжение; иногда казалось, что это какой-то неведомый палач их поджаривает на медленном огне.

Платоша Зубов, в недавнем прошлом совершенно ничем не примечательный поручик конной гвардии, а ныне полновластный владелец разбухшего тела императрицы, и целовал и гладил бревнообразные конечности Екатерины; но всё без успеха.

– Когда же придёт Ламбро? – в сердцах крикнула императрица, ни к кому конкретно не обращаясь.

Ламбро Кацони – в прошлом известный греческий пират. Откорсарствовав в Архипелаге, он вышел на покой и пришла к нему такая блажь – захотел стать царским доктором. Этого рыжего верзилу с огромными молотоподобными ручищами ввёл к Екатерине (естественно, с благословения Платоши Зубова – без его дозволения ни с кем теперь императрицу познакомить нельзя было) Осип Михайлович де Рибас, испанский матрос, прыгнувший в России в адмиралы. Ламбро тут же взялся лечить императрицу.

Этот бандит легко убедил её, всегда насмехавшуюся над традиционной медициной и державшую лейбедика Роджерсона, кажется, именно для насмешек и форменных издевательств, что знает верное средство для излечения ног. И вот каждое утро он сам ходил за морской водой, дабы императрица принимала холодную ножную ванну.

Поначалу она почувствовала себя чуть лучше и вместе с Ламбро вволю натешилась над несчастным Роджерсоном. Но вскоре ноги императрицы распухли ещё большие, однако она упорно продолжала принимать ледяные морские ванны – Ларго Кацони, вопреки всему, продолжал оставаться для неё авторитетом. Видимо, он был ей позарез нужен для диких и бесцеремонных наскоков на лейбедика. Сцены их препирательств бесконечно забавляли императрицу. Она ещё, как могла, подыгрывала бешеным колкостям экс-пирата.

На пользу от ледяных морских ванн Екатерина уже рассчитывала мало, но ждала Ламбро Кацони со страшным нетерпением. А того всё не было. Екатерина уже даже и не хмурилась. В её заплывшем лице багровые пятна сменялись сине-сизыми. Молоточки в голове били всё острее и больнее. Они уже впились в мякоть мозга, и, кажется, застревают в ней, потом с трудом выдёргивались и начинали опять.

Больше не было сил ждать этого разбойника. Зло пыхнув ядом синих глаз, императрица, преодолевая боль, влезла в большие открытые башмаки и заковыляла из спальни в бриллиантовую гостиную, в которой должна была состояться её аудиенция с шевалье де Ланжероном.

Шевалье де Ланжерон, маркиз де ля Косс, барон де Куиньи появился в Бриллиантовой гостиной Зимнего Дворца в Санкт-Петербурге в парадном мундире офицера флота Её Императорского величества. Полковник французской гвардейской пехоты неожиданно оказался командующим дивизией русского гребного флота. Адмирала Нассау шевалье де Ланжерон отнюдь не подвёл, и теперь с гордостью нёс свой роскошный, шитый золотом морской мундир.

Екатерина взглянула на шевалье ласково. Лицо её прояснилось, багровые пятна немного поблёкли, но молоточки всё-таки продолжали постукивать, но уже довольно глухо, не впинаясь намертво в мякоть мозга.

Близость молодого тела, пульсирующей, бьющей через край энергии принесла Екатерине некоторое облегчение. Ей на какое-то время показалось даже, что и ноги отпустило (они ныли по-прежнему, но жжение как будто ощущалось уже не так сильно). Водянисто-синие глаза императрицы всё теплели и теплели.

– Шевалье, – промолвила она почти нежно, – я счастлива, что в вашем лице французская гвардия не срамила себя на российской земле.

Ланжерон поклонился, изящно потряхнув роскошной смоляной гривой. Императрица же продолжала:

– Принц Нассау поведал мне, что во время последних боевых действий в Финляндии вы, шевалье, проявили исключительную храбрость и самоотверженность. А я целиком доверяю суждениям и оценкам принца в военных вопросах, ибо его чрезвычайно высоко ставит сам фельдмаршал Потёмкин.

В этих словах звучали и гордость Екатерины своим ставленником, и неприкрытый цинизм. В лице Ланжерона не дрогнул ни единый мускул, только в глазах мелькнул лукаво-понимающий огонёк и тут же, правда, исчез.

– Шевалье, – спокойно и величественно сказала императрица. – Позвольте вам отдать, что по праву вам принадлежит.

Тут она потянулась к маленькому инкрустированному бриллиантами столику, на котором лежал белый шёлковый мешочек, обсыпанный бриллиантиками. Императрица достала из мешочка орден святого Георгия 4-й степени и подошла к Ланжерону.

Шевалье вздрогнул от отвращения, когда к нему приблизилось опухшее багровое лицо Екатерины. Императрица же, почувствовав рядом молодое мужское тело, задрожала. Прикрепив к груди Ланжерона Георгия, она вместо того, чтобы едва прикоснуться губами к его лбу, буквально впилась в его губы. В лице шевалье изобразилось чувство какой-то гадливости. Екатерина отпрянула и засеменила прочь из бриллиантовой гостиной.

Когда был заключён мир со Швецией, Ланжерон отправился, наконец, в дунайскую армию, к Г. А. Потёмкину и принял участие в блокаде крепости Измаил. 11 декабря, во время штурма этой крепости, он находился в колонне генерала Арсеньева, выдержавшей массированный огонь турок.

Великий русский полководец генералиссимус А. В. Суворов сказал о поведении Ланжерона во время штурма, что он «оказал отличную неустрашимость в атаке неприятеля». За участие в штурме Ланжерон был награждён золотой шпагой с надписью «за храбрость».

КАРТИНКА ШТУРМ ИЗМАИЛА

Генерал-аншеф Александр Васильевич Суворов был в полнейшем бешенстве. Его маленькие синие глазки-буравчики неожиданно расширились и потеряли свой хитроватый прищур – теперь в них полыхала ярость.

Суворов топнул ножкой, окатив липкой мутной грязью себя и своего спутника (они оба были так взволнованы, что не заметили этого), и закричал, брызгая слюной:

– Что же это такое творится? Князь Потёмкин решительнейшим образом провалил осаду крепости Измаил. Он предаётся в своей ставке оргиям, устраивает бесчисленные празднества, и это вместо того, чтобы немедленно действовать. Ланжерон, это уже не лень, а форменное предательство. Это – измена. По-другому просто не скажешь.

Шевалье Ланжерон де Сэсси понимающе молчал. Собственно, он и сам был тако-годе мнения, полагая, что действия светлейшего князя совершенно недопустимы.

Разговор этот происходил ранним грязным утром 30 ноября 1790 года в местечке Галац, где Суворов стоял со своим корпусом. А к вечеру пришло письмо от главнокомандующего Потёмкина. Суворов лихорадочно разорвал пакет, схватил бумагу и острый взгляд его тут же выхватил строки: «... остаётся предпринять с Божьей помощью на овладение Измаила... Извольте поспешить туда для принятия всех частей в вашу команду...»

Радости генерал-аншефа не было предела. Он просто бесился от ликования. Только Суворов всё повторял, недоумевая:

– Не ожидал... С Потёмкиным что-то случилось... Непостижимо...

Суворов не знал, что светлейший князь получил весьма ласковое письмо от государыни Екатерины II, а в нём были слова: «Гришенька, я хочу Измаил». Вот князю и пришлось, забыв о гордости и лени, о роскоши и неге, писать к генерал-аншефу Суворову. Правда, когда крепость Измаил была взята, то всесильный фаворит Екатерины не простил Суворову этой оглушительной победы, но всё это будет потом, а пока всесильный фаворит просит.

2 декабря 1790 года Суворов был уже под Измаилом. Армия, уставшая от многомесячного стояния, встретила его кликами бешеной радости, ведь прибытие шустрого голубоглазого карлика означало только одно – штурм. Счастливы были все – от солдата до генерала.

Суворов никак не реагировал на восторженную встречу, он только лукаво подмигивал неизменно сопровождавшему его Ланжерону. Шевалье же выглядел совершенно потрясённым. Ему казалось, что так могут встречать лишь коронованную особу, и то не всякую, ведь часто встреча короля – это просто ритуал, из которого выхолощено живое чувство, а тут было преклонение совершенно реальное и живое.

За вечерним чаем, допивая четвёртый стакан, Суворов сказал вдруг шевалье (до этого он хранил молчание):

– Ланжерон, миленький. Мне срочно нужна ваша помощь. Вот что я прошлой ночью надумал. Слушайте меня внимательно. Разведчики раздобыли план Измаила. Надо бы, сверяясь с ним, насыпать искусственный вал, точную измаильскую профиль. Руководство строительством хочу поручить вам, голубчик. Но это ещё не всё.

Ланжерон кивнул и придвинулся ближе к столу. Он был весь – внимание.

– Понимаете, Ланжерончик, я хочу по ночам на этом искусственном валу обучать войска эскаладе, дабы во всей последовательности воспроизвести все акты штурма: подход ко рву, забрасывание фашинами, переход, приставление и связывание лестниц, подъём на вал. Вам я хочу поручить обучению подъёму на вал. Могу ли я на вас рассчитывать, любезнейший? Можете действовать совместно со своим дядюшкой графом де Дамом – он человек в военном смысле очень опытный и эскаладой владеет в совершенстве. Впрочем, вы и сами это знаете. Так я могу на вас двоих рассчитывать?

Ланжерон с превеликой радостью согласился, и уже следующим утром набрал команду для строительства искусственного вала. Работа яростно закипела. Вал возвели уже через четыре дня. И сразу же начались ночные репетиции. Руководил ими всегда лично Суворов. Один уже вид его лёгкой фигурки вселял в сердца тех, кто скоро должен был брать Измаил, бодрость и уверенность. Ланжерона поражал и Суворов, и русские солдаты и офицеры.

Вообще эти ночные репетиции очень многое дали Ланжерону в плане уяснения русской военной школы. Он так и сказал Суворову за вечерним чаем, сказал, что благодарит его за науку. Тот неожиданно мягко улыбнулся и сказал:

– Мой милый Ланжерон, а живя с вами невозможно не полюбить Францию, невозможно не стать роялистом.

С раннего утра Суворов встречался с командирами. Начальники штурмовых колонн приглашались для участия в разведывании подступов к Измаилу. Суворов, буквально пробуравливая присутствующих своим острым, насмешливым, каким-то даже ввинчивающимся взглядом, указывал направление и задачу каждой колонны.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.